

А. П. МОГИЛЯНСКИЙ

Из истории переводов «Слова о полку Игореве» на польский язык

(Отзыв С. Н. Палаузова о переводе А. Красинского)

В конце 1856 г. в Петербурге был издан стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» на польский язык, выполненный Адамом Красинским (1810—1891 гг.), известным филологом, участником польского восстания 1863 г. Переводчик в предисловии к своему труду обращал внимание читателя на предпринятые им попытки внести большую ясность в переводимый текст, особо выделив 8 мест. Места эти таковы: 1) замышление, 2) истягну ум. . ., 3) синее вино с трудом смешено, 4) поганых толковин, 5) аки пардуже гнездо, 6) заря свет запала, 7) на канину зелену папо-лому постла, 8) хоботы пашут.¹

Анонимный рецензент в 1857 г. отметил: «Новый, ныне вышедший перевод достоин внимания как попытка между прочим и объяснить темные места». ² Особое внимание рецензент уделил второму, третьему и последнему случаям, оговорив неправильную ссылку Красинского на словарь Ф. Миклошича при толковании слова «хобот».

Однако еще до выхода в свет упомянутой нами рецензии попытки Красинского прояснить смысл некоторых мест древнерусского памятника стали предметом рассмотрения известного историка С. Н. Палаузова (1818—1872 гг.), занимавшего тогда должность чиновника особых поручений при Министерстве народного просвещения. Рассмотрение польского перевода было поручено Палаузову в связи с ходатайством Красинского о поднесении его книги императору Александру II. Приводим текст заключения Палаузова, до сих пор не публиковавшийся.

Господину Министру Народного Просвещения.

Чиновника особых поручений
надворного советника Палаузова.

РАПОРТ

Ваше Высокопревосходительство, поручив мне рассмотрение перевода на польский язык Слова о полку Игоря, приготовленного и изданного каноником Красинским под заглавием: *Pieśń o półku Igora*, изволили приказать вместе с тем представить также и заключение, может ли этот новый перевод нашего древнерусского стихотворения удостоиться чести быть поднесенным Его Императорскому Величеству.

Песнь о полку Игоря была уже два раза переводима на польский язык Гудебским и Белёвским. Новый перевод Красинского превосходит два первые не одним верным

¹ *Pieśń o półku Igora. Starosławiański poemat z XII wieku, przekład ks. Adama Stanisława Krasinśkiego. Petersburg, 1856, s. XII—XIV.*

² ИпоРЯС, т. VI, 1857, вып. 1, с. 80—81.

переложением подлинника, переданного языком легким, облеченным в звучную и изящную форму стиха; но переводчик присоединил к тексту несколько своих примечаний, объясняющие самые трудные и самые темные места этой поэмы. Лучшее критическое издание на русском языке, обогащенное подробными примечаниями и объяснениями, — издание Дубенского (Москва, 1844), — не удовлетворяет объяснениям смысла тех немногих, но темных мест, которые находятся в Слове о полку Игоря и которые весьма удачно объяснены Красинским. Чтобы оценить вполне труд сего последнего с экзегетической точки зрения, осмеливаюсь обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на следующие места.

1. В Слове о полку Игоря Святослав рассказывает сон, виденный им во время болезни, что ему, лежащему на тесовом ложе, подавали синее вино с трудомъ с мѣшено. Слово трудъ в приведенных Дубенским (стр. 119) объяснениях первых издателей «Слова» переводилось: с ядом смешанное. Сам Дубенский затрудиается дать положительного объяснения этому выражению. Красинский приблизился более к истине и открывает, что слово труд есть известная в Малороссии трава конитруд (*gratiola officinalis*), имеющая лекарственное действие во время желудочного расстройства.

2. В том же сне Святослав видит, что на него сыпали тѣщими тулы поганыхъ тлѣковинъ великый жемчугъ на лono, т. е., как передает Дубенский (стр. 121): «сыпали пустыми колчанами из поганых ступ крупный жемчуг на постелю». Слово толковины, ссылаясь на Карамзина, открывшего это выражение в Вольнской летописи, объясняли раковинами, но этим объяснением смысл текста нисколько не выигрывает. Объясняли его также (Дубенский) из языка словацкого и моравского от tuku, чешского tuku, польского tuka, т. е. толку, толчу, но и этим не могли придать смысла подлиннику. Польский же переводчик объясняет слово толковины — заговариванием, волшебством — *zamawiania, guślarstwa*, и что может происходить от слова толковать.

3. По русской земли прострошася половцы аки пардуже гнѣздо — по русской земле рассеялись половцы, словно гнездо барсово (пер. Дубенского, [стр.] 129). Пардужъ почти все издатели «Слова» объясняли словом барс и тут же выставляли сомнение, каким образом зашли парды в русскую землю. Еще Белѣвский отметил это выражение и объяснил его словом куро патка. Порода этих птиц и теперь известна в Малороссии под именем пард ва, и сравнение будет живописно верно: половцы рассеялись по русской земле, как куропатки, подвываясь с своего гнезда.

4. Выражение «Слова»: нъ розинося имъ хоботы пашуть — самое темное и необъяснимое в целой поэме. Русские издатели этого памятника в критических к нему примечаниях сами сознаются в трудности объяснить его (Дубенский, стр. 206). По общепринятому толкованию выражение это заключает в себе насмешку, иронию на князей Древней Руси. Пожарский слово хоботы поясняет русским чоботы, и, по его мнению, значит, что, сделавшись могущими (т. е. князья), стали в сапогахъ землю пахать. В общей связи переложение это не будет иметь никакого смысла. Яснее толкование Красинского. Он говорит, что хоботъ — по словарю Миклошича — означает узкую полосу земли и переводит так: розинося, т. е. волю пашут землю оружием Владимира (о котором идет речь), и в переносном смысле значит, что оружие, т. е. сила, мужество, было обращено в плуг, изнеженность мирных условий сельской жизни.

Вообще г. Красинский новым своим переводом имел преимущественно целью внешнюю, изящную обработку «Слова» в польском его переводе, а не критическое издание этого памятника. Но несмотря на это небольшое число новых объяснений, приложенных им к переводу, придают сему последнему еще ббльшую цену, и он вполне может удостоиться высокой чести быть поверженным к стопам Его Императорского Величества.

С. Н. Палаузов.

7 Декабря 1856 г.³

Комментируя рассмотренные С. Н. Палаузовым предположения Адама Красинского, следует сказать следующее.

Konitrud (из *konitrut*, ср. *trutikonь) — слово западнославянское, преимущественно чешское. Означает оно вид губоцветного растения (*gratiola*). В русском и украинском языках оно не зарегистрировано.

Трудъ/трутъ, трѣдъ 'проказа', 'болезнь', 'порча', 'вред', слово общеславянское. Ср. укр. *отрута* 'яд', 'отрава'.

³ ЦГИА, ф. 735, оп. 4, ед. хр. 130842, л. 1—4.

Таким образом, противоречия с толкованием Дубенского эти данные не представляют: лекарства нельзя противопоставлять яду, все дело в дозировке и цели.

Толковины в значении 'заговоры', 'волшебство' в лексикографии опоры не имеют.

Пардва 'бекас' (Scolopax), 'белая куропатка' (Lagopus); укр. *вівчарик*, *баранець*, *баранчик*, *хавка*.

Слово *хобот* на основании словаря Ф. Миклошича (1850, с. 193) было истолковано Красинским несколько расширительно, но не ошибочно: им была использована многозначность древнегреческого слова *ὄβρα*, указанного лексикографом в качестве соответствия славянскому слову.

На основании рапорта С. Н. Палаузова Александр II в 1856 г., 12 декабря, пожаловал Адаму Красинскому бриллиантовый перстень.⁴

---

⁴ Там же, л. 5. См. также: *Polski Słownik Biograficzny*, t. XV, z. 2 (65), s. 166—168.